

Арам ИСАБЕКЯН:

“ПАРИЖ, НЕСОМНЕННО, СТОИТ МЕССЫ”

“МНОГОЛЮДЕН И МОГУЧ ВОСТОК!”

— Мои зарубежные встречи — это не только встречи с интересными людьми, хотя их было немало, но и встречи с городами и странами, музеями и картинными галереями, фресками, скульптурными и архитектурными памятниками, вплоть до египетских пирамид...

В 80-90-е годы я несколько раз побывал в Алеппо (Сирия), работал там, жил по нескольку месяцев, выполнял заказы. Здесь в начале 90-х состоялись персональные выставки — моя и отца, Эдуарда Исабекяна. В здании “Амазгаин” часто открываются выставки, это имеет большое моральное воздействие на местных армян. Когда я скучаю по Востоку, то невольно вспоминаю Алеппо — с его старинной уютной армянской атмосферой, вспоминаю друзей. Один из них — Торос Торанян — очень интересный человек, по профессии врач, в то же время замечательный публицист. Люди здесь простые, бесхитростные, радужные. Познакомился я с армянской семьей, которая всего достиг-

Каире есть армянская церковь, армян не так уж много, но они очень богаты, и всех интересует больше политика, чем искусство. Однако при содействии армянской благотворительной организации мы

ла нас, написано о художнике Эдуарде Исабекяне. В последний раз я ездил туда со своей 12-летней дочуркой Анной, и Гарзу очень полюбил ее, угощал, всячески угождал ей, говорил: “Какой хоро-

И если в благословенной Италии не разрешают ничего снимать на видео, и даже бумага от ЮНЕСКО не помогает, то в Париже — никаких запретов!

В Париже я случайно нашел

ра, и его остроты и шутки даже не всегда воспринимаются окружающими, но меня покорила его преданность армянскому народу, традициям. Он из конгрегации мхитаристов, которой в 2000 году исполнится 300 лет. Правительство Италии выделило 15 миллионов долларов на строительные работы на острове Святого Лазаря, потому что это и итальянское достояние. А Мхитара Себастици после Григора Лусаворича и Месропа Маштоца я считаю самым значительным национальным явлением. Ведь именно благодаря ему у нас в Италии свой остров, конгрегация, занимающаяся просветительской деятельностью также и в Вене, Аргентине, Бейруте, Париже. Достаточно упомянуть, что в училище Мурад Рафаэлян учились Даниэл Варужан, Петрос Адамян, Ара Сарксян и другие известные деятели литературы и искусства. Я как ректор ереванского Художественного института надеюсь укрепить связи с Академией Художеств Венеции, наладить обмен студентами. Были подобные встречи и с руководством АХ Парижа и Берлина, состоялась даже обмен студентами, но, к сожалению, наши возможности не совпали...

К 300-летию мхитаристов мы решили создать комиссию, организовать ряд мероприятий — в Италии и Армении (назвать именем Себастици улицу, установить скульптурный памятник). Хотим вместе с Генрихом Игитяном повезти выставку в Венецию, устроить концерты.

Но помещения мхитаристов надо как-то использовать, а то их могут сдать в аренду, и в дальней-

ла своим трудом и настолько благодарствует, что решила заказать мне портреты. И вот сперва я написал портрет жены, потом мужа и детей, сдружилась с ними, помогал им выбирать рамки для портретов. Но люди они были неискушенные в искусстве, особенно муж. И вот он как-то мне и говорит: "Послушай, ты не обижайся, но твой натюрморт со старыми часами стоит 800 долларов, тогда как новые швейцарские можно купить за сто. Как это понимать?"

Но есть здесь люди и европейского уровня и масштаба. У одного из них — Мазлумяна, который подарил в свое время нашему Историческому музею коллекцию монет, свой отель, где, говорят, останавливалась сама Агата Кристи. У него жена-англичанка, высокая, красивая, чопорная, однако говорит по-армянски, сыновья — настоящие англичане, прекрасный дом со множеством собак.

А вообще здесь на каждом шагу чувствуешь историю. Вот церковь Тер-Зор, открытая католикосом Киликии. И еще я очень рад, что общался с деятелями партии Дашнакцутюн, и среди них — архиепископом Суреном...

Затем я в составе четырех армянских художников участвовал на биенале в Каире. Я счастлив, что видел это чудо — Египет, посетил Каирский музей, своими глазами увидел пирамиды и город мертвых. Это невозможно описать, не поддается рассказу, как, скажем, вкус и запах. После Египта я в музеях обхожу восточные отделы, не воспринимаю их экспонаты как подлинные. Встречались мы с нашим послом в Египте Эдиком Налбандяном, а Манушак Петросян организовала встречу с местной армянской общиной. В

посетили многие достопримечательности. Видели, как

Моей желтый Нил

Раскаленных ступени

Царственных могил...

Это незабываемо...

ПАРИЖ, НЕСОМНЕННО, СТОИТ МЕССЫ

— За последнее десятилетие я трижды побывал в Париже, имел две выставки в Ситэ-Интернасьональ, мои работы висели в одной из парижских галерей. Ситэ-Интернасьональ — это такой городок внутри Парижа, центр искусства, напротив него находится Нотр-Дам, рядом — мэрия. У нас, армянских художников, там своя комната, которая предоставляется тому или другому из наших мастеров. Писатели, музыканты, художники из разных стран живут здесь иногда годами. Я же был около полугода.

Одни из самых моих ярких впечатлений — встречи с Гарзу, и вовсе не потому, что он мировая знаменитость. Просто такого доброго, умного, высокой души человека больше и не встретишь. Он воистину велик. Ему завидуют, и это нормально, о нем отзываются порой пренебрежительно и даже уничижительно ("Разве это художник?"), но он обо всех говорит доброжелательно, и только хорошее. Гарзу большой патриот Армении, считает, что наш народ очень талантлив, просто у нас нет своего Парижа. В свои 90 лет он трезво анализировал ситуацию в сентябре 96-го, когда "неистовые толпы" атаковали здание парламента, тонко, четко все расставив по местам. Он знает и отца моего, в воспоминаниях его жены Нан Гарзу, которая, к несчастью, уже покину-

тый портрет с тебя написал твой отец, я бы тоже взялся, да боюсь, у меня получится хуже."

Я горжусь тем, что в Париже у меня такой друг, как Аршак Гарни, художник-абстракционист, внешне похожий на Матисса, больше, однако, склонный заниматься организационными вопросами. И вот что задумал этот подвижник, равно влюбленный в искусство и в Армению. Он надеется собрать деньги и организовать в каком-нибудь заброшенном армянском селе центр искусства, чтобы можно было проводить симпозиумы по вопросам искусства, и каждый художник мог там жить по 2-3 месяца. Причем все временные жители будут заниматься земледелием, налаживать маленькое хозяйство этой коммуны для людей искусства. Подобная утопия могла бы состояться и дать свои плоды... Во всяком случае, в Ситэ-Интернасьональ общение с музыкантами и писателями дает неповторимый эффект.

Я был и в Амстердаме, посетил музей Ван-Гога, но там все постигаешь буквально за три дня, тогда как Париж неисчерпаем. Каждый уголок заключает в себе неповторимость Парижа, и не только за 2-3 года, но и за всю жизнь не сможешь его постичь. Это, действительно, столица мира, "праздник, который всегда с тобой": Я исходил пешком весь Париж, вглядывался в каждый сантиметр парижской мостовой, побывал в бесчисленных государственных и частных музеях, в Гранд-опера и опере в Бастилии, куда надо за год вперед приобретать билеты. А библиотеки! Не надо здесь предьявлять никаких бумаг, справок и денег платить тоже не надо, сиди и читай сколько вздумается.

друга детства Давида Апикиана. Подростками мы вместе в Бжни писали пейзажи с натуры, и неожиданно много лет спустя встретились в Париже — он пришел на мою выставку, и с тех пор мы вместе ходили по музеям, ездили в Версаль и прочее. В Европе он очень хорошо устроился в качестве компьютерного художника.

В Париже я познакомился и подружился с супругами-пенсионерами, не имеющими прямого отношения к искусству, но благодаря им я побывал в Овере, где писали свои неповторимые полотна Ван-Гог и Сезанн (здесь и закончил с собой Ван-Гог). Удивительно, что в городке все осталось без изменений, и знакомо нам по полотнам этих художников. Золотистые пшеничные поля, мэрия, церковь, дома фермеров — все напоминает работы мастеров.

Да, встреч, в Париже и во Франции было немало, хотя незнание языка органично их число...

"...И ВЕНЕЦЬЯНСКИЕ ПРОХЛАДЫ"

— Венеция способна сотворить с человеком чудо — здесь ты веришь в Бога только потому, что тебе дано ходить по этой земле, прикоснуться именно к этим камням, и жалеешь лишь о том, что этого не случилось раньше. Потому хочу добиться того, чтобы наша художественная молодежь могла побывать здесь до 25-30 лет, приобщиться к святой святых искусства, анализировать виденное. Неоценимую помощь мне оказал архимандрит (вардапет) Арутюн Пстикян, в котором я нашел интересное сочетание духовного сана с искусством художника-абстракциониста. Вардапет Арутюн наделен удивительным чувством юмо-

шем они могут быть потеряны навсегда. А ведь это несравненное богатство, палаты с флорентийскими кувшинами и венецианскими зеркалами, расписанными фресками, хранящие более 800 полотен итальянских мастеров, среди которых Тициан, Тьеполо и другие. Даже французы в Венеции не имеют своего помещения, а палатцо мхитаристов можно использовать для временного проживания наших мастеров, людей искусства. А какое здание училища Самуэл Мурадян мхитаристов в Париже!

Вардапет Арутюн Пстикян (кстати, таково было пожелание Себастиана, чтобы мхитаристы выше архимандрита не поднимались) интеллигент и большой патриот своего народа, о чем свидетельствует его работа в качестве директора школы мхитаристов, а также его деятельность в Венеции.

...Что же касается самой Венеции, то у меня создалось впечатление, что это один большой театр со своими актерами, ибо люди там живут как на сцене. Старая Венеция спокойная, веселая страна. Каждый дом — палатцо, где висят картины старых мастеров. Скажем, работа кисти Тициана изображает какого-нибудь далекого предка данной семьи и висит здесь веками, никто и не думает сдать работу в музей или послать ее на реставрацию. И в кафе сидят веселые люди. Так, с нами каждый день выпивала одна дама, как выяснилось, баронесса.

Мы с вардапетом Арутюном разъезжали по всей Италии, видели фрески Джотто, работы мастеров Возрождения. И вот как-то уже по дороге Пстикян мне сообщил, что едем в палатцо близ Венеции работы архитектора Пала-

дио, где контесса Изабелла фон Шоэнфелд из Найджел-аукцион устраивает прием. Ему-то хорошо, он в сутане, которая уместна везде, а я был одет как турист — в джинсах, в плаще и черной рубашке. Но он успокоил меня, мол, сойдет и так. Здесь были и выставка художников (среди прочих и работы импрессионистов), и аукцион, и книги, и альбомы по искусству. Приглашенные все в бабочках и смокингах, но на меня косились не очень — воспитанные же люди! Я про себя отметил, с каким уважением собравшиеся относились к Арутюну Пстикяну. Нас оставили на ужин, после которого выяснилось, что меня приняли за экстравагантного богача. Гуляет себе, ни на кого не обращает внимания, ни с кем не разговаривает, лишь смотрит работы. А я попросту не знал, как общаться с ними — не владею европейскими языками, к сожалению.

Познакомился я с одним из самых известных современных художников Венеции — Людовико де Луиджи, чьи работы висят в музеях и который мечтает открыть в Армении выставку своих сюрреалистических полотен.

Благодаря мхитаристам в Венеции очень любят армян. Есть площадь, названная именем армянина Антона Сурейна, армянская церковь Сурб Хач и армянский квартал. В палате дождей висит карта Армении и купчая на продажу острова Святого Лазаря Мхитару Себастаци. Венецианцы считают, что обязаны нам, потому что в чумной год армянский богатеи Сурейн предоставил свой дом для больных, лечил их. А во время войны с Турцией именно армянские купцы организовали ввоз товаров в страну. Все это было, конечно, очень давно, но, как видите, не забылось...

Хочу надеяться, что наша смена, молодые художники Армении во множестве побывают здесь,

*Быть может, венецианской девы
Канцоной нежной слух пленя...*

**Записала
Зульфа ОГАНЯН**